

УДК 330.34.01

СУЩНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

С.Ю. СОЛОДОВНИКОВ

д-р экон. наук, профессор,

заведующий кафедрой «Экономика и право»

Белорусского национального технического университета, г. Минск

О.М. МАЗУРЕНКО

аспирант кафедры «Экономика и право»

Белорусского национального технического университета, г. Минск

В.С. ШУТ

аспирант кафедры «Экономика и право»

Белорусского национального технического университета, г. Минск

Аннотация

На основе анализа существующих точек зрения по проблеме влияния природно-географических условий на социальные процессы, раскрывается синергетический характер взаимодействия общества и его природного окружения. Выявлены и раскрыты характеристики концепции устойчивого развития: историчность, диалектичность, внутренняя социальная противоречивость.

Ключевые слова: природа, общество, устойчивое развитие, экономический рост, социальная динамика.

Abstract

Based on an analysis of existing points of view on the issue of the impact of natural and geographical conditions on the social processes, there disclosed synergistic nature of the interaction between society and its natural environment. There identified and disclosed the characteristics of the concept of sustainable development: the historicity, dialectical aspects, internal social contradictions.

Keywords: nature, society, sustainable development, economic growth, social dynamics.

* Статья подготовлена в рамках реализации договора с БРФФИ на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Теория экономического развития Республики Беларусь и Республики Румыния на основе истинных инвестиций (GSI)» договор с БРФФИ № Г16-РА-015 от 20.05.2016 г.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема влияния природно-географических условий на социально-экономическое развитие стран и регионов давно находится в поле зрения общественных наук. В экономической науке уже длительное время продолжает соперничество между представителями двух основных подходов к определению влияния природно-географических условий на социальные процессы: преувеличение роли природно-географической среды – «географический детерминизм» и игнорирование влияния природно-географических условий на социальные процессы – «географический нигилизм» [1]. Возникновение и эволюция концепции устойчивого развития не только не привело к исчезновению вышеназванных подходов, а напротив, вызвало у ее противников усиление аргументации своих теоретических и методологических позиций.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исторически географический детерминизм (точнее будет его называть природно-географическим детерминизмом) возник раньше географического нигилизма. Что было обусловлено историческими условиями возникновения обществоведения вообще и экономической науки в частности – все общественные науки первоначально возникли в аграрных и/или ранеиндустриальных обществах, с низкой производительностью труда, а значит эти социумы были критически зависимы от погоды и неурожаев, от наличия и географии полезных ископаемых. Яркой иллюстрацией последнего может послужить тот факт, что на ранних стадиях индустриализации народного хозяйства необходимо было сочетание трех факторов: сильной королевской (или императорской) власти, наличия железной руды и каменного угля. Все это было в Англии и в Китае, но в последнем пороги на Янцзы не позволили получить производителям в низовьях этой реки доступ к месторождениям каменного угля в ее верховьях – результатом стало технико-экономическое отставание Китая от индустриально-развитых европейских стран.

Последовательное применение природно-географического детерминизма неизбежным образом трансформирует взгляды ученых его придерживающихся, независимо от предмета их науки. Так при исследовании законов народонаселения, последовательное применение естественно-биологического подхода, породило мальтузианство [2], теоретическая основа (краеугольный камень) которого может быть представлена следующим постулатом: суть закона народонаселения в следующем: население возрастает в геометрической прогрессии,

производство средств существования – в арифметической [3]. Т. Мальтус писал, что «на великом пиршестве природы у тех, кто не получил свое состояние от родителей и в труде которых общество не нуждается, не хватает прибора; природа приказывает таким людям удалиться и сама принимает меры к тому, чтобы ее приказание было приведено в исполнение» [2]. Названный автор считал, что и животные и люди подчиняются одному непреложному закону природы, который «состоит в постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи» [2]. Мальтузианство, по нашему мнению, не является продуктом интеллектуальной деятельности одного или группы ученых, основанном, на определенных методологических и фактологических ошибках. Напротив, по нашему убеждению, мальтузианский закон народонаселения воплотил в себе мироощущение Западной цивилизации и порожденной ей системой хозяйствования. С.Г. Кара-Мурза пишет: «Как возникло само понятие «рыночная экономика»? Ведь рынок *продуктов* возник вместе с первым разделением труда и существует сегодня в некапиталистических и даже примитивных обществах. Рыночная экономика возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром: *деньги, земля* и *свободный человек* (рабочая сила). Это – это глубокий переворот в типе рациональности, в мышлении, и даже религии, а отнюдь не только экономике» [4, с.59]. Даже такой ярый европейский критик мальтузианства как К. Маркс в своем законе народонаселения во многом разделяет идеи Т. Мальтуса, поскольку оба названные авторы исходят из универсальной идеи европейской «политэкономии, возникшей как наука о рыночном хозяйстве, основанном на обмене» [4, с.61], что только «*специализация и разделение – источник эффективности*» [4, с.61]. С.Г. Кара-Мурза справедливо отмечает по этому поводу: «Это разумное умозаключение приобрело характер идеологической догмы, и мы забыли о диалектике этой проблемы. А именно: *соединение и кооперация* – также источник эффективности. Какая комбинация наиболее выгодна, зависит от всей совокупности конкретных условий» [4, с.61]. Названный автор также подчеркивает, что наряду с рыночным хозяйством «существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются – так, что все участники пользуются сообща целым» [4, с.60].

Для рыночной экономики, сводящей природу и человека лишь к факторам производства (природный капитал, капитал человеческий), прошедшей путь огораживания (когда овцы «съели» людей), закон о бродяжничестве (когда по закону за кражу еды массово вешали

даже детей), индустриализацию с широким использованием детского труда (на ткацком производстве в Англии работали даже 5-летние девочки, причем они имели преимущество при приеме на работу, поскольку их маленькие пальчики позволяли лучше выполнять технологические регламенты того времени) естественным и логичным явилось следующее умозаключение Т. Мальтуса: «Главная и непрерывная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления, или от неравномерного распределения имущества; богатые не в силах доставить бедным работу и пропитание, поэтому, бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них работы и пропитания: вот какие важные истины вытекают из закона народонаселения» [2, с.36].

Многие классики рыночной экономике в той или иной степени разделяют воззрения Т. Мальтуса. Например, Г. Беккер, пишет: «Когда мужчины и женщины решают вступить в брак, завести детей или развестись, они пытаются повысить свое благосостояние путем взвешивания сравнительных выгод и издержек. Таким образом, они заключают брачный союз, если ожидают, что это повысит степень их благополучия по сравнению с тем, если бы они оставались в одиночестве, и разводятся, если это должно привести к росту их благосостояния» [5, р. 395–396]. Л. фон Мизес признавая значительное влияние теории народонаселения Т. Мальтуса на социальную теорию неолиберализма, заявлял что «ядро социальной теории либерализма, – это теория разделения труда. Только в тесной связи с ней можно правильно объяснить социальные условия закона народонаселения Мальтуса» [6], а также что «частная собственность на средства производства есть регулятивный принцип, обеспечивающий равновесие между ограниченным числом средств, которыми общество располагает, и более быстро растущим числом потребителей. Этот принцип ставит каждого индивида в зависимость от квоты экономического продукта, социально резервируемого от коэффициента собственности и труда. Он выражается в снижении показателя рождаемости под давлением социального прессы, элиминацией излишних членов общества, как это случается в животном и растительном царстве. Однако функцию борьбы за существование выполняет «моральный тормоз», ограничивающий потомство» [6].

Подход, признающий в качестве незыблемых принципы: «ненасытной жажды экспансии» [4, с.64] в погоне за прибылью и отношение к природе как к ограниченным экономическим ресурсам (в погоне за которыми необходимо продолжать внешнюю экспансию), а не как важнейшему условию человеческой жизнедеятельности, в своей сути внутренне противоречив. С одной стороны, признается зависимость от природно-географических условий, а с другой в качестве цели развития общества

и индивидов ставится стремление к богатству. М. Вебер приводит по этому поводу высказывание Дж. Уэсли, известного протестантского проповедника «буржуазных наций»: «Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали все. Что можно, т.е. стремились к богатству» [7, с. 200-201]. Такой безудержный экономический рост, в погоне за обогащением, продолжался до тех пор, пока не были достигнуты природные «пределы роста», т.е. пока капитализм не столкнулся с природно-географическими ограничениями.

Несостоятельность природно-географического детерминизма была раскрыта еще Г.В. Плехановым, который заметил, что «современных итальянцев (конца XIX века - С.С.) окружает та же естественная среда, в которой жили древние римляне, а между тем как мало похож темперамент современных нам данников Менелика на темперамент суровых покорителей Карфагена» [8, с. 254-255]. Вместе с тем любому экономисту очевидная взаимная связь между природно-географической средой и экономическим развитием общества. Причем эта зависимость может быть очень различной: от голландской болезни, до успешного использования нефтедолларов для технико-экономической модернизации страны (например ОАЭ); от успешного вписывания городской цивилизации в окружающую природно-географическую среду и минимизацию последствий негативного влияния человека на Природу (например столица Восточной Римской империи Константинополь), до разрушительного влияния городской цивилизации на Природу (например столица Западной Римской империи Рим превратил половину Италии в свалку). В свое время уже упоминаемый выше Г.В. Плеханов писал, что природно-географические определяют лишь «общее направление» социально-экономических процессов, но не «индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия» [8, с. 294]. Ведущий российский этнограф Л.Н. Гумилев подчеркивал, что «историческая судьба народности (этноса), являющаяся результатом ее (народности) хозяйственной деятельности, не определяется, но связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта (*природно-географических условий - С.С.*)» [9, с. 103]. Этот автор в своих работах приводит большое количество исторических примеров этой связи [10].

Ранее нами достаточно подробно освещалось влияние природно-географических условий на социально-экономическое развитие общества [11, с. 194-198]. При этом нами был приведен пример негативных последствий антропогенного влияния на природно-географическую среду на примере Исландии [12, с. 133]. События последних лет делают возможным дополнить этот пример новыми интересными фактами.

До появления на Исландии человека около 40% площади острова были заняты березовыми лесами с примесью ивы, рябины, можжевельника. Со времени освоения Исландии викингами леса стали быстро сокращаться, и сейчас их площадь не превышает 0,5%. На смену вырубленным лесам пришли каменистые россыпи с мхами и лишайниками. Как результат этого, в настоящее время сельское хозяйство Исландии вынуждено переориентироваться от обработки земли к выпасному животноводству. Последнее, в свою очередь, ввиду негативных последствий для почвы, выпаса овец (которые существенно преобладают в Исландии над другими домашними животными), ведет к деградации лугов в безжизненные пустоши. Экономика острова неизбежно переориентировалась на рыболовство и рыбопереработку. Таким образом, изменения почвенно-климатических условий оказало существенное влияние на характер использования и распоряжения хозяйственными благами. К началу XXI века в Исландии начинается бурный экономический рост, локомотивом которого выступили финансы. Привлекательность такого пути развития очевидна: можно получать все возрастающую прибыль в финансовом секторе экономики, который гипертрофировано разрастаясь, разрушает реальный сектор производства, создавая у массы обывателей (получающих свой «кусочек пирога» со стола финансовой олигархии) мнение, что так будет всегда. На этом фоне в Исландии значительно сократились рыболовство и рыбопереработка. А индивиды занятые этим видом деятельности в основном перешли в сектор услуг. Кризис 2008 г. очень больно ударил по Исландии. Народ этой страны нашел в себе силы и институциональные ресурсы, чтобы отказаться от стратегии нового надувания «финансового пузыря» и вернуться к развитию реального сектора экономики, в том числе и рыболовства. В результате стране удалось достаточно быстро выйти на устойчивую траекторию экономического роста.

Первый доклад, представленный Римскому клубу, который, как известно, назывался «Пределы роста» впервые поставил проблему устойчивого развития (проблему гармонизации отношений Общества и Природа) в 60-е годы прошлого века. Этот доклад возник как реакция европейских интеллектуалов на очевидные проблемы угрозы существования Человечества в случае, если дальнейшая капиталистическая экспансия будет продолжаться в тех формах, в которых она продолжалась до этого. Вектор развития концепции устойчивого развития хорошо известен и у нас в стране и за рубежом, поэтому полагаем. Что нет смысла пересказывать общеизвестные истины. Вместе с тем следует отметить, что, во-первых, названная концепция носит исторический характер, т.е. она представляет собой «относительно-самостоятельный естественно-

исторический процесс» [13, с. 7], во-вторых, устойчивое развитие возможно только при условии гармонизации отношений человек-общество-природа, оно требует постоянной диалектической адаптации жизнедеятельности социума, повышения эффективности экономической системы, в зависимости от изменения его внутренних компонентов и внешних условий, в-третьих, любое общество не является чем то монолитным, а делится на множество социальных классов, которые обладают специфическими социально-экономическими интересами, причем интересы ряда этих классов всегда будут не соответствовать направлению устойчивого развития. С учетом названных обстоятельств можно констатировать, что сегодня сутью концепции устойчивого развития является разработка социально-экономических механизмов управления социоприродных систем на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека.

ВЫВОДЫ

Раскрыт противоречивый характер взаимодействия общества и его природного окружения. Выявлены основные характеристики концепции устойчивого развития: историчность, диалектичность, внутренняя социальная противоречивость. Установлено, что в современных условиях сущностью концепции устойчивого развития является разработка социально-экономических механизмов управления социоприродных систем на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесник С. В. Общие географические закономерности Земли. - М.: Наука, 1970. - 176 с.
2. Мальтус, Т.Р. Опыт закона о народонаселении / Т.Р. Мальтус; сокр. пер. И.А. Вернера. – М. : М.Н. Прокопович, 1908. – 180 с.
3. Рубин, Я.И. Теория народонаселения: мальтузианское и буржуазно-антимальтузианское направления / Я.И. Рубин ; под общ. ред. Б.Ц. Урланиса. – М. : Мысль, 1972. – 191 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Россия и Запад: Парадигмы цивилизации. – М.: Академический Проект; Культура, 2011.- 232с.

5. Becker, G.S. Nobel Lecture: the economic way of looking at behavior / G.S. Becker // J. of Polit. Economy. – 1993. – Vol. 101, № 3.

6. Теория народонаселения Т. Мальтуса // Институт экономики и права Ивана Кушнера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://be5.biz/ekonomika/i010/25.htm>. – Дата доступа : 28.05.2016.

7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

8. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Сочинения. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. - Т.8.

9. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна. - М.: Танаис ДИ-ДИК, 1995.

10. Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII-XIII вв. - М.: Мысль, 1993. - 516 с.

11. Солодовников С.Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С.Ю, Солодовников ; Минск: БНТУ, 2014. – 379 с.

12. Солодовников С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С.Ю, Солодовников ; Минск.: ИООО «Право и экономика», 2003.- 274с.

13. Воронков А.В. Философско-методологический анализ перехода социоприродных систем к устойчивому развитию. Авторефера на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Москва, 2005.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2016 года.